

Л.Р. Комалова

К понятию «языковой сепаратизм». (Обзор)

***Аннотация.** Обзор освещает вопрос сепаратизма во взаимосвязи с языковой политикой государства. Рассматривается конфликтный потенциал официального языка в условиях многонационального государства. Отмечаются конструктивные и деструктивные черты языковой политики в отношении языков национальных меньшинств.*

***Abstract.** The review proposes analysis of separatism language in the framework of public policy. Conflictive potential of the official language in multinational State is being examined. Constructive and destructive traits of the language policy are compared.*

***Ключевые слова:** языковой сепаратизм, официальный язык, языковые приемы выражения эстремизма.*

***Keywords:** separatism language, official language, linguistic techniques of extremism expression.*

Понятие «сепаратизм» напрямую не связано с лингвистической наукой, так как само явление представляет собой процессы, реализуемые в сфере государственного регулирования. Стоит отметить, что в базе данных докторских и кандидатских диссертаций ВАК (период поискового запроса с 1800 г. по настоящее время) отсутствуют работы по филологическим наукам, в названии которых есть слово «сепаратизм».

В данной связи А.А. Коробов утверждает, что «базисные причины сепаратизма заложены в несоответствии государствен-

ных границ, проведенных в результате присоединения силовыми методами различных территорий, естественным границам исторического проживания этносов» (6, с. 45). Следовательно, сепаратизм является объектом изучения военных, политических, экономических, философских наук. Однако данное явление, как правило, характерно для полинациональных государств, в составе которых представлено более двух лингвокультур, следовательно, определенная связь между понятиями «язык» и «сепаратизм» существует.

«Языковое разнообразие, являясь богатством государства, несет в себе потенциальную конфликтогенную составляющую» (2, с. 230). Обратим внимание на то, что сепаратизм зачастую связывают с языковой политикой государства, не учитывающей стремление этнических групп и наций осуществлять коммуникацию на родном языке, отличном от официального. «Языковой вопрос» остро стоит, например, в Украине. В этой связи С.В. Савойская (8) разграничивает конструктивные (рациональные) и деструктивные (иррациональные) черты политики государства в отношении украинского языка (табл. 1).

Таблица 1

Конструктивные и деструктивные черты языковой политики государства

Конструктивные черты	Деструктивные черты
В рамках языковой политики осуществляется поддержка государственного (официального) языка, его развитие, расширение сферы его применения во всех регионах страны и областях общественно-политической жизни	Языковая политика не отвечает реальным потребностям граждан и их языковым ожиданиям, направлена на противодействие расширению сферы использования государственного (официального) языка в отдельных регионах страны, закрытие учебных заведений, ведущих занятия на официальном языке
Поддерживаются региональные языки или языки меньшинств, защищаются языки, находящиеся на грани исчезновения	Учитываются интересы только избранных регионов, групп населения
Обеспечивается эффективная работа власти в отрасли языковых коммуникаций, которые зависят от общественно-политической ситуации и политической культуры всех граждан страны	Языковая политика ведет унитарное государство к расколу

Источник: 8.

Как отмечает М.А. Егорова, «чрезмерное превосходство государственного языка может породить проблему лингвистических и культурных привилегий этнических и национальных меньшинств» (2, с. 236). Ответной реакцией со стороны национальных меньшинств в данном случае может быть еще большее сплочивание нации вокруг своих традиций и языка¹, которое при определенных «притесняющих» условиях может перерасти в этнический сепаратизм.

Закономерно и то, что языковая ситуация неразрывно связана с текущими социальными, политическими и этническими изменениями в полиэтничном и многоязычном сообществе. Так, распад СССР повлек за собой процессы восстановления языковой идентичности разных народов, а также запустил процессы языковой интерференции и конвергенции. Например, Л. Казаку выделяет следующие параметры интерференции, реализовавшиеся вследствие контактов русского и румынского языков на территории Республики Молдова (5, с. 22–29):

- 1) обеднение лексических ресурсов румынского языка из-за проникновения русских лексем;
- 2) упрощение синтаксической структуры предложения в румынском языке и усвоение порядка слов, свойственного русскому языку;
- 3) искажение грамматических отношений в румынском языке под влиянием русской грамматики;
- 4) буквальный перевод с русского на румынский язык, т.е. калькирование.

Однако, несмотря на то что в Республике Молдова в настоящее время наблюдается ограничение использования русского языка в государственном администрировании, русский язык продолжает функционировать в качестве «доминирующего языка», выступает как серьезный политический фактор и пользуется политическим и культурным престижем.

¹ *Национализм – убеждение, что нация как культурная общность должна совпадать с государством как политической общностью, что каждый народ должен иметь собственное государство, способное не только защитить, но даже создать свою самобытную культуру и традиции (3; 10, с. 149).*

Подобную тенденцию отмечает С. Хинер в отношении каталанского языка, который приобретает разную значимость в зависимости от социального окружения: «Каталанский язык имеет большой вес в школе, но намного больший вес имеет кастильский в средствах массовой информации» (11, с. 46). А.Ю. Тамарович подчеркивает, что стремление каталонцев к автономии продиктовано в большей мере экономическими основаниями, а не этническим сепаратизмом: «Язык в данном случае выступает лишь как инструмент в политической борьбе и на самом деле не является раздражающим фактором для других испанцев» (10, с. 153).

Интересный ракурс проблемы сепаратизма применительно к языку рассматривает Д.С. Мартыанов, описывая лингвистический сепаратизм в контексте управления Интернетом. Автор высказывает озабоченность тенденцией к американизации и «вестернизации» интернет-пространства, что, в свою очередь, снижает значение официальных языков национальных государств. Проявляется это в абсолютном доминировании английской версии латинского алфавита в наименованиях доменных имен первого уровня, осуществлении мгновенных экономических и банковских операций в Интернете через англоязычные системы.

Однако и обратный процесс национализации несет угрозу «роста этнической идентичности вплоть до перерастания этого процесса в лингвистический сепаратизм», подчеркивает автор. Данное опасение актуально, например, в отношении эмигрантов, в настоящее время имеющих «возможность не только сохранять культурные связи с родиной, но и почти полностью быть включенными в языковое пространство своей прежней страны, что приводит к культурным расколам уже на территории их проживания, поскольку становится фактором, осложняющим их ассимиляцию и способствующим сохранению влияния диаспор» (7, с. 115).

Концепт «сепаратизм» в сознании человека соотносится с понятием «экстремизм», который, в свою очередь, является объектом многих лингвистических исследований, так как за счет репрезентуемости в тексте и дискурсе средств массовой коммуникации, интернет-сообществ, блогосферы, в рамках предвыборной агитации и пропаганды является, с одной стороны, мощным источником воздействия на сознание реципиентов, с другой стороны, отражает уровень социальной напряженности в государстве.

Описывая механизмы, встроенные в тексты комментариев, инициирующих коммуникативную активность читателей, В.А. Салимовский и Л.М. Ермакова отмечают, что «размещаемый на сайте первичный текст (информационное сообщение или пост), как правило, включает в себе программу его комментирования в форме речевой актуализации сложившихся в массовом (групповом) сознании стереотипов и предрассудков» (9, с. 73). Речевые реакции в комментариях на подобный инициирующий текст предопределены. «В сущности, коммуникантам предлагается не размышлять над каким-либо социальным явлением (событием), а выражать отрицательные эмоции и проявлять агрессию» (9, с. 74).

Далее авторы выделяют типы экстремистских высказываний в комментариях к инициирующим текстам в Интернете (9, с. 75): 1) устрашающие и эпатажирующие «ники»; 2) призывы к свержению органов государственной власти, к насилию по отношению к ее представителям, а также к национальным меньшинствам; 3) словесные угрозы; 4) оскорбления; 5) рассказы об этнических меньшинствах с использованием слов и выражений, унижающих национальное достоинство; 6) трансляция и популяризация расистской идеологии.

В работах специалистов, проводящих лингвистическую экспертизу спорных текстов на предмет экстремистского содержания, описываются наиболее значимые языковые приемы выражения экстремистского содержания (1, с. 113–122) (табл. 2).

При определении прагматического потенциала текста экстремистского толка К.В. Злоказов «приписывает экстремистскому тексту две коммуникативные цели: принуждение к выполнению определенных действий и формирование внутреннего убеждения воспринимающего» (4, с. 265). Исследователь утверждает, что «семантический уровень характеризуется контрастностью, облегчающей восприятие и сводящейся к обозначению участников оппозиции и уточнению образов “Враг – друг”» (4, с. 265). Иными словами, тексты с такого рода содержанием закрепляют категорию «чужой» за определенной нацией и тем самым формируют в сознании реципиента психологическую установку на защиту своих интересов и отторжение чужеродного.

Таблица 2

Эксплицитные и имплицитные языковые приемы выражения экстремистского содержания текста

Эксплицитные приемы	Имплицитные приемы
<p>Тематические группы слов, наиболее частотные в текстах экстремистского содержания:</p> <ul style="list-style-type: none"> • наименование лица по национальному признаку, примыкающее к уничижительно-оскорбительным характеристикам; • наименования социально-политических групп, партий и общественно-политических движений, сторонников и последователей общественных, политических и идеологических движений; • профессиональные наименования; • эмотивно-оценочные характеристики действий или поведения представителей различных национальных, религиозных, социальных групп 	<p>Эмоционально-оценочные «приращения» смысла у слов с нейтральным значением, при этом в подтексте содержатся следующие типы информации, формирующие у адресата соответствующие ценностные стереотипы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии; • возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную и/или социальную группу; • приписывание опасных намерений одной нации, расе, религии по отношению к другой
<p>Лексические единицы, обозначающие:</p> <ul style="list-style-type: none"> • презрительно-уничижительные, пренебрежительные, бранные, грубопросторечные характеристики лица по национальной, расовой и религиозной принадлежности; • черты национального характера; конфессиональной, социальной и партийной принадлежности; • действия и признаки субъектов оценки 	<p>Намеренное использование слова в несвойственном ему значении, в котором личностные смыслы преподносятся как общеизвестные и навязываются адресату, а также использование искусственно объединенных в ряд слов, относящихся к разным смысловым областям, но воспринимающихся адресатом как однородные, имеющие сходную семантику</p>
<p>Слова с ярко выраженным инвективным содержанием, которые соединяются с наименованием лица по национальной, расовой, религиозной принадлежности, а также с названиями стран, территорий, партий, политических течений</p>	<p>Употребление языковых и индивидуально-авторских метафорических моделей «болезнь», «война», «криминал» и «насиллие», которые характеризуются отрицательными смыслами</p>

Источник: 1.

Выводы

Несмотря на то что языковой аспект продолжает играть значительную роль в процессе зарождения сепаратистских настроений, будучи одновременно и инструментом, и продуктом, и процессом, все же традиционными причинами сепаратизма являются «неудовлетворение государством глубинных социальных, экономических, конфессиональных и политических потребностей этноса, ущемление его прав, игнорирование этнополитических интересов» (6, с. 45).

Фиксация акта сепаратизма возможна как в поведенческом плане, так и в письменном и устном дискурсе, следовательно, по-прежнему наиболее значимыми средствами репрезентации концептов «сепаратизм» и «экстремизм» являются лексические маркеры.

Ввиду многоаспектности и сложности детерминации явление языкового сепаратизма требует комплексного анализа с привлечением историко-философских, культурологических, психологических, лингвистических ресурсов.

Список литературы

1. Бульгина Е.Ю., Лапша М.А., Трипольская Т.А. Признаки экстремистского текста: Квалификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов // Юрислингвистика. – Барнаул, 2008. – № 9. – С. 113–125.
2. Егорова М.А. Роль языкового аспекта в государствообразующем процессе: Опыт Италии // Вестник Института социологии. – М., 2012. – № 5. – С. 230–239.
3. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
4. Злоказов К.В. Восприятие экстремистского текста субъектами с разным уровнем деструктивной установки // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – № 1. – С. 265–272.
5. Казаку Л. Проблемы языковой интерференции и языковая ситуация в Республике Молдова // Одеський лінгвістичний вісн.: Зб. наук. – Одеса: Фенікс, 2014. – Вип. 2. – С. 22–29.
6. Коробов А.А. Миграционный фактор этнического сепаратизма // Власть. – М.: Ин-т социологии РАН, 2013. – № 9. – С. 45–46.

7. Мартыянов Д.С. Лингвистический сепаратизм и этническое сознание в контексте управления Интернетом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 6 (32), Ч. 1. – С. 113–115.
8. Савойская С.В. Языковая политика Украины как понятие и специфическая область государственной политики // Science and world. – Волгоград, 2013. – № 4 (4). – С. 279–281.
9. Салимовский В.А., Ермакова Л.М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». – Пермь, 2011. – Вып. 3 (15). – С. 71–79.
10. Тамарович А.Ю. Движение за независимость Каталонии: Причины и предпосылки сепаратизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – Иркутск, 2013. – № 2 (11), Ч. 2. – С. 148–156.
11. Хинер С. Два лица нации: Языки Испании // Испания – Каталония: Империя и реальность / Пер., состав. и предислов. Е. Висенс. – М.: REGNUM, 2007. – С. 44–48.